

Б-211
Л60 $\frac{В-3}{16-3}$

ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК

Л60 $\frac{В-3}{16-3}$

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

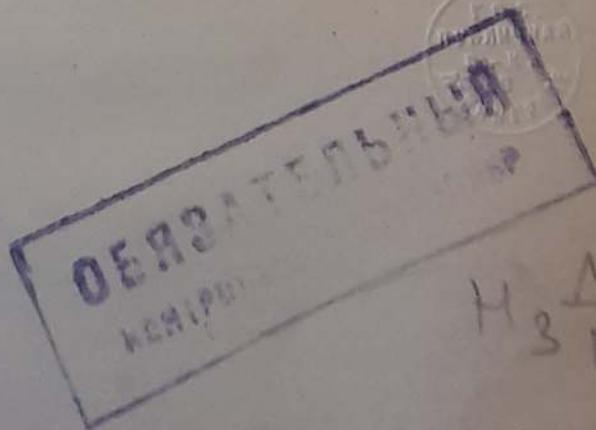
ОТЕЦ ГОРИО

КОММЕНТАРИЙ К ПЬЕСЕ

ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Е. А. ГУНСТА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ
Б. А. ГРИФЦОВА

ПРИМЕЧАНИЯ Е. Ф. ВОРША

Л600
НЗ 5211

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА • 1938

H 483
040

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Повесть «Отец Г'орно» уже сто лет назад стала известна русскому читателю. По мере того, как она печаталась в журнале «Ревю де Пари», перевод появлялся на страницах «Библиотеки для чтения» за 1835 год. Под тем же заглавием «Старик Г'орно» вышел этот перевод отдельным изданием в 1840 году. Первое появление «Г'орно» в России сопровождалось предуведомлением Сенковского, лишь наполовину почтительным к Бальзаку: «Повесть эта, в которой примечательно раскрылся талант молодого романиста, еще не вся издана по-французски. Мы сообщаем ее как новость. Само собою разумеется, что длинноты и повторения, которыми Бальзак увеличивает объем своих сочинений, устранены в переводе». За последующие сто лет «Г'орно» еще несколько раз заново переводился на русский язык.

Французские источники позволяют восстановить историю этой повести более детально, чем других книг Бальзака. В частности и за последнее время появился во Франции ряд работ или специально о «Г'орно» или, более обще, об этом среднем периоде бальзаковского творчества. К середине 30-х годов Бальзак вышел на широкую литературную дорогу, он добился у прессы успехов, крупнее которых не имел за всю жизнь; он уже покинул мансарду и вместе с нею — романтические веяния, достигая полноценного социального реализма; от отдельных сцен частной или парижской жизни он переходил к грандиозному замыслу единой эпопеи «Человеческая комедия», которая объединит все его творчество. Наконец, как раз к появлению первых изданий «Г'орно» приурочивается начало той травли Бальзака со стороны мелкой парижской прессы, которая достигнет неслыханной резкости года через два. Таким образом, «Г'орно» бесспорно одна из кульминационных точек творчества Бальзака и интереснейшая глава его литературной биографии.

Бальзак датировал «Отца Горно» сентябрем 1834 года. Дата эта не совсем точна. Во всяком случае, она не означает, что в сентябре эта повесть была уже закончена, а является скорее дружеским воспоминанием о том, что осенью этого года Бальзак работал над первой ее главой, живя в имении «Саше», которое принадлежало семейству Маргон, давнишним приятелям семейства Бальзака. Посвятив повесть зоологу Этьену-Жофруа Сент-Илеру, Бальзак ставил эту не совсем точную дату как своего рода второе посвящение, в благодарность за оказанное гостеприимство. Фактически же работа над «Горно» заняла не только весь конец 1834 года, но и первые два месяца 1835-го.

Не раз высказывалось мнение, что если «Горно» и написан в 1834 году, то задуман он значительно раньше. Чтобы подтвердить это мнение, цитируют обычно отрывок из речи адвоката Дервиля, заключающей повесть «Полковник Шабер», датированную 1832 годом: «Я видел отца, умирающего на чердаке без гроша в кармане, покинутого двумя дочерьми, которых он наделил рентой в сорок тысяч». Цитируя эту фразу, несомненно излагающую вкратце сюжет «Горно», иногда подчеркивают, как она точна даже в цифровом отношении. Редактор новейшего критического издания «Горно»^{*} заключает эту цитату таким суждением: «Кто же такие эти дочери, если не дочери Горно? Каждая из них действительно получила в приданое по восьмисот тысяч франков или, считая по пяти процентов, как раз по сорока тысяч франков ренты». Рассуждение правильное, но из него никак нельзя делать вывода, будто бы замысел «Горно» был ясен Бальзаку уже в начале 1832 года: в двух первых изданиях повести «Полковник Шабер» эта фраза отсутствовала, а появилась она впервые в издании 1835 года, то есть после выхода в свет «Горно», и очевидной целью ее было теснее связать между собой первоначально разрозненные произведения.

Также и в «Гобсеке», датированном 1830 годом, читатель найдет многочисленные упоминания о Горно и его дочери Анастасии де-Ресто, но и эти упоминания отсутствовали в первых вариантах: они вставлены Бальзаком в издание 1835 года для того, чтобы задним числом включить «Гобсека» в систему «Комедии».

Бальзак работал над «Горно» с подъемом, ему самому замысел нравился: «Это произведение будет лучше Е в г е н и и Г р а н д е, по крайней мере, я им более доволен» (письмо к матери, сентябрь

^{*} H. de Balzac. Le père Goriot. Avec une introduction et de notes par Maurice Allem. Ed. Garnier, 1930.

H 487
040

1834 года); несколько позже он пишет сестре, что «Горно» *более* привлекает читателей, чем «Гранде» и «Поиски абсолюта». Не раз пишет он о «Горно» и госпоже Ганской, здесь тот Бальзак инос, он считает себя вынужденным заранее оправдываться: «Отец Горно — прекрасная книга, но чудовищно печальная. Для полноты картины приходилось описывать нравственные отбросы Паризка, и это производит впечатление отвратительной извм» (22 ноября 1834 г.). «Я вам предсказывал, что Поиски абсолюта вас удивят; еще менее будет вам понятен Отец Горно» (26 ноября). И всякий раз, когда Бальзак пишет Ганской о все возрастающем успехе романа, радость от успеха перемежается у него с нескрываемой горечью: «Горно — успех неслыханный, все единогласно заявляют; и Евгения Гранде и все прежнее превзойдено» (5 декабря). «Ну, а что же от этого выиграет публика? Ее выигрыш — Отец Горно, от которого глупые парижане без ума. Вот Отец Горно и поставлен превыше всего» (22 декабря). «Отец Горно производит фурор, еще ни одно из моих произведений так не расхватывалось» (10 февраля 1835 г.). «Ни одно произведение мое не сопровождалось таким успехом, как Отец Горно. Тупой Париж, который умудрился совсем не заметить Поисков абсолюта, сразу раскупил 1200 экземпляров Горно, еще прежде, чем о нем появились объявления. Готовятся еще два издания. Теперь у меня кучи золота. За три месяца Горно мне дал тысячу дукатов» (11 марта 1835 г.).

Конечно, Бальзак прекрасно понимал, что ни сентенции о лживости «света», ни мешанская трагедия Горно не очаруют госпожу Ганскую. Но, может быть, в этом письме от 11 марта есть и подлинные мысли Бальзака, который очень любил свою повесть «Поиски абсолюта» и не мог примириться с тем, что читатели мало заметили ее.

При своем появлении «Горно» несомненно заинтересовал читателей. Едва закончилось его печатанье в журнале «Ревю де Пари»*, как понадобилось два издания. Одно вышло двумя томиками с предисловием в марте 1835 года и именуется вторым, другое — в мае 1835 года, с поправками и другим предисловием, именуемое третьим. Но напрасно библиограф стал бы искать первое издание: такового никогда не существовало. Вопреки обычаям книготорговли издатель Верде признал первым изданием появление «Горно» в журнале, а действительно первое издание наименовал вторым. В том же 1835 году Верде выпустил в четырех томиках четвертое издание (фактиче-

* «Revue de Paris» от 14 и 28 дек. 1834 г., от 28 янв. и 11 февр. 1835 г.

ски третье), которое хотя и имеет пометку «исправленное и дополненное», но представляет собой простую перепечатку третьего. Действительно исправленное издание появилось в 1839 году, и наконец при жизни Бальзака «Горно» напечатан в IX томе «Человеческой комедии» (издание Фюрн 1843 года) и отдельным изданием вышел в издательство Шарпантье в 1846 году. По изданию Фюрн «Горно» включен в «Сцены парижской жизни». Внося поправки в издание 1843 года, Бальзак в частности указал, что эту повесть следует отнести к «Сценам частной жизни». В издании Фюрн текст Бальзак внес поправки и изменения, которые учитываются наиболее авторитетными посмертными изданиями.

Помимо того, что в одном 1835 году понадобилось выпустить три издания «Горно», об успехе свидетельствует и тот факт, что театры сейчас же принялись его инсценировать*. Уже 6 апреля 1835 года в театре «Водевиль» была поставлена пьеса Ансло и Полена «Отец Горно», сюжет которой таков: Горно выдает Дельфилу замуж за Нюсижжана; через некоторое время Нюсижжен уезжает навсегда в Англию, бросив Дельфилу; она принуждена поступить служанкой в меблированные комнаты, здесь встречает Растиньяка, бедного студента, который неожиданно получает наследство и женится на Дельфиле, и Горно счастливо живет с ними. От Бальзака здесь остались только имена действующих лиц. Того же 6 апреля и театр «Варьете» поставил пьесу «Отец Горно», авторами которой являлись Тэлон, Комбюруз и Жэм. Здесь Викторина Тайфер оказывалась незаконной дочерью Горно, а Вотрен и Растиньяк — претепедантами на ее руку. Пьеса кончалась также счастливо, но к самому Горно судьба была менее благосклонна, чем в театре «Водевиль»: его устранили в богадельню. От Бальзака и здесь оставалось немногим больше. В обращении с авторами тогдашние драматурги были куда более беззащитны, чем современные нам инсценировщики. Но, очевидно, герои бальзаковского романа сделались настолько популярны, что одними их именами можно было привлечь публику в театр.

Казалось бы, Бальзаку оставалось только радоваться успехам. Однако в мартовской книжке «Ремю до Пари» Бальзак помещает предисловие к «Горно», датированное 6 марта 1835 года, где он пишет: «Отец Горно был начат в час отчаяния... Автор не верит ни в великодушие, ни во внимательность подлой, воровской эпохи, которая старается купить книгу за гроши где-нибудь из-под

* Об этих инсценировках см. в книге Jules Bertaut. Le père Goriot. Ed. Malfère 1928. Из серии «Grands événements littéraires».

Н 4
0

долы на улице, как она покупает огниво; вскоре ей захочется приобре-
рести самого Бенвенуто Челлини по дешевой цене, ведь наша
эпоха объявила войну поэтам, лишив их защиты гражданского
кодекса, обкрадывая их при жизни и отнимая наследство у их
семьи... Критика, этот дряхлый прихлебатель литературных пар-
шеств, покинув салоны, примостилась в кухне, где помещивает
в кастрюлях еще не вскипевшие соусы, и, конечно, заявляет от лица
публики, что пора бы не возвращаться больше к одним и тем же
персонажам...»

Значительная часть предисловия занята защитой против обви-
нений в том, что литературные вкусы автора направлены только
на грешниц, что он воспекает супружеские измены. В опровержение
Бальзак приводит таблицу с подсчетом, сколько добродетельных
и сколько недобродетельных женщин фигурировало в его произве-
дениях. Первых оказывается тридцать восемь, вторых двадцать две.
Чтобы усилить перевес первых, Бальзаку пришлось причислить
к ним не только Теодору из «Шагреновой кожи», но даже госпожу
Воке, относительно которой Бальзак, впрочем, оговаривается
в подстрочном примечании: «она находится под сомнением».

Это предисловие было перепечатано и в так называемом «вто-
ром» издании «Горно», а в следующем издании заменено новым пре-
дисловием, помеченным 1 мая 1835 года. Оно короче первого, спи-
сок добродетельных в нем не фигурирует, но оно не менее мрачно.
Начинается оно таким размышлением: «С тех пор, как О т е ц
Г о р н о перепечатан в виде книги, на которой, по странной
логике издателя, значится в т о р о е и з д а н и е, он привлек
внимание придворной цензуры Ее Величества Газеты, этого само-
держца XIX века, которая царит над королями, дает им советы,
сажает их на престол и лишает престола, которая время от времени
считает себя обязанной блюсти нравственность, после того как она
упразднила государственную религию. Автор предвидел, что та-
кова уж судьба отца Горно — страдать в жизни литературной,
как он страдал в своей жизни реальной. Бедный Горно! Дочери
от него отреклись, потому что у него не осталось денег, а продажные
листки отреклись от него под тем предлогом, что он безнравст-
вен...»

Откуда это отчаяние Бальзака? От каких нападков он прину-
жден обороняться? Вопрос остается не вполне ленивым, хотя недавно
молодой бальзаковед Марк Бланшар для своей обстоятельной книж-
ки «Бальзак по свидетельствам современников и отзывам критики»*

* Marc Blanchard. Témoignages et Jugements sur Balzac. Ed. Cham-
pion, 1931.

перерыл газеты тех годов. После 1835 года нападки прессы на Бальзака приобретут значительную остроту и достигнут крайней степени после опубликования второй части «Утраченных иллюзий» — таковы выводы Блашара. Но напрасно он лишает эпитета «френский» фельетоны и заметки журнальчика «Le Vert-Vert» (февраль-апрель 1835 года), которые сам же приводит в своей книге. Вот в каком тоне писал этот журнал о Бальзаке: «Господин де-Бальзак, живущий недалеко от астрономической обсерватории, и в повара какого астронома. Он недавно дал обед, о котором немало говорили в Опере, ибо господин де-Бальзак задает обеды с той естественностью, с теми остроумными замечаниями, с той тонкой фантазией и изысканнейшим вкусом, какие свойственны ему, когда он описывает женщин. Но в противоположность его литературным сочинениям, которые всегда кончаются столь плачевно, у обедов господина де-Бальзака — всегда великолепная развязка, они заканчиваются десертом, в котором не менее двадцати восьми блюд, в том числе неизменные сливки из Тура, сладкие соотечественницы господина де-Бальзака. После обеда подают чаши, надушенные одеколоном. Изумительный одеколон как нельзя лучше анализирует и резюмирует литературные произведения господина де-Бальзака. В этих утонченных флаконах вы сразу узнаете автора и его утонченных героинь. Напрасно сравнивать, как это иногда делают, господина де-Бальзака с Мариво, нет, в своих новеллах — он фабрикант одеколона».

В марте 1835 года «Le Vert-Vert» изо дня в день пишет о Бальзаке, то жалуясь на длинноты Л'орно, то напоминая Бальзаку о наступлении поста и высказывая надежду, что Бальзак теперь «напишет Сына Л'орно, и сам сын будет лучше отца, и у книги будет благополучнее конец». К этой же теме о конце карнавала журнал возвращается и в следующем номере, на этот раз уже с похвальной развязностью: «По слухам, господин де-Бальзак принес свою шевелюру и трость на жертвенник карнавала и возвращается к обычной жизни человека, у которого в кармане пусто; на семь месяцев он удаляется в неведомую пещеру, в оазис где-то возле Тура, в домик XVIII века. Он возвращается туда, чтобы последним ударом плеча подпереть свою славу и последним ударом дубины добить тридцатилетнюю женщину».

Что этим фельетонам противопоставила серьезная критика? Она почти молчала. За весь 1835 год одна серьезная статья — в газете «Конституционалист» от 23 марта. Она дает ретроспективный обзор, без оговорок хвалит Евгению Гранде, частично Сельского врача, находит прекрасной одну главу Пелесков абсолюта — «Смерть матери». В этой же статье

H 48
040

имеется указание, что салоны создавали оценку Бальзака, а критика западывала, что Бальзаку отводили место где-то в низах литературы, рядом с Поль де-Коком, что саркастическое отношение к нему бульварной прессы перешло и в серьезные газеты. В заключение «Конституционалист» странным образом утешает Бальзака: «Если еще смеются над ним, как над человеком, то не смеются над его книгами».

Среди такой литературной атмосферы приходилось работать Бальзаку. И если с каждым годом жесточе становилось беззубое зубоскальство печати, то весьма вероятно, что эти же самые пародии, эти же анекдоты о Бальзаке, созданные, как говорится, «устной прессой», давно уже ходили по рукам и из Парижа проникли в глухую провинцию. Возможно, что устная пресса, сплетни которой появятся в печати впоследствии, и довела Бальзака до бешенства, сквозящего в каждой строке предисловий к «Горно».

Сто лет тому назад читатели жаловались на длинноты «Горно». Мы теперь сказали бы обратное: эта замечательная повесть слишком коротка, эскизна, ряд мотивов в ней недоразвит. Быть может, Бальзак первоначально намеревался подчинить все содержание повести единой сюжетной линии, которую он крайне скупыми словами излагает в своей рабочей тетради: «С ю ж е т о т ц а Г о р н о — честный человек — скромный мещанский пансион — 600 франков годового дохода — сам себя ограбил в пользу своих дочерей, которые обе имеют по 50 000 франков дохода, умирает, как собака». Но в процессе работы повесть осложнилась побочными темами: первые шаги карьериста Растиньяна, и горькие проклятия «свету» виконтессы де-Босван, и апология каторжника Вотрепа. Трудно сказать, какая из этих линий оказалась основной. Их появление вызвано не столько необходимостью выпукло представить историю несчастного старика, сколько тем, что, когда Бальзак работал над «Горно», для него ясно обозначились очертания всей «Комедии». Повесть «Горно» — первый шаг по новому пути. В то же время, когда печатался «Горно», начало выходить первое собрание сочинений Бальзака. При тогдашней неустойчивости издательского дела, одна фирма не смогла выполнить задачу целиком, хотя к тому времени собрание сочинений Бальзака не было еще объемным. Поэтому получилось, что одна, двенадцатитомная, серия «Этюды о нравах XIX века» выходила с 1834 года в издательстве Беше, а вторая, пятитомная, «Философские этюды» — с 1835 года в издательстве Верде. К тому и другому изданию даны пояснитель-

эти введения, написанные Фелисом Давен, но, как говорится, авторизованные Бальзаком. В общем эти введения близки к стилю предисловию, написанному самим Бальзаком в 1842 году. Однако есть и существенные различия. Если там Бальзак выдвигает сходство между «Комедией» и трудами ученых зоологов, то здесь подобие «Этюд о нравах» он видит в разнообразии и единстве «Писати и одной ночи». Он уже и теперь делит «Этюды» на сцены жизни частной, провинциальной, парижской, политической, военной и деревенской, но гораздо резче, чем в 1842 году, подчеркивает, что деление это имеет символический смысл, что сцены парижской жизни изобразят возраст, уже приближающийся к дряхлости: «В столице подлинные чувства являются исключением, они надломлены погоней за выгодой, они раздроблены шестернями механического мира; на добродетель здесь клеветают, невинность здесь — предмет торга, страсти уступают место разорительным пристрастиям и порокам; здесь все утончается, все анализируется, продается и покупается; это базар, где все котируется, здесь не стыдятся производить подсчеты на глазах у всех, здесь все человечество сведено к двум типам: обманщик и обманутой».

Повесть «Отец Горио», упоминаемая введением, не была включена в собрание сочинений 1834—1835 годов, потому что «Этюды о нравах», в число которых она должна была войти, были запрошены одному издателью, а сама эта повесть — другому. Но ни одна книга Бальзака не примыкала так тесно, как «Горио», к идеям этого введения и длиной в нем характеристике Парижа. Эта повесть впервые с полной отчетливостью обнаруживает новый принцип творчества Бальзака: писать не самодовлеющие книги, а в каждой из них видеть проявление всего элемент единой системы. Отсюда нарочитая повторимость персонажей: Растиньяк и Вальшон уже появились в «Шагреневой коже», банкиру Тайферу был посвящен рассказ «Красная гостиница», ростовщину Гобсеку также уже был посвящен рассказ, госпожа Воссан появилась уже героиней «Поконченной женщины» и т. д.

Эта система еще не вполне определилась для Бальзака в 1835 году. Он еще находился под очарованием фантастики и причудливости «Войны ночи». Целиком ли реалистична повесть «Горио»? Неопределятельно ли она построена на основе приведенной выше характеристике Парижа? Совсем недавно обратила внимание еще на один источник, который, вероятно, внушал Бальзаку множественность лиц и персонажей даже для прозаического, столь схематического

1 Там же, первый том полного издания, стр. 83—85.

ные введения, написанные Феликсом Давен, но, как говорится, инспирированные Бальзаком. В общем эти введения близки к своему предисловию, написанному самим Бальзаком в 1842 году*. Однако есть и существенные различия. Если там Бальзак находил сходство между «Комедией» и трудами ученых зоологов, то здесь подобие «Этюд о нравах» он видит в разнообразии и единстве «Тысячи и одной ночи». Он уже и теперь делит «Этюды» на сцены жизни частной, провинциальной, парижской, политической, военной и деревенской, но гораздо резче, чем в 1842 году, подчеркивает, что деление это имеет символический смысл, что сцены парижской жизни изобразят возраст, уже приближающийся к дряхлости: «В столице подлинные чувства являются исключением, они надломлены погоней за выгодой, они раздроблены шестернями механического мира; на добродетель здесь клеветают, невинность здесь — предмет торга, страсти уступают место разорительным пристрастиям и порокам; здесь все утончается, все анализируется, продается и покупается; это базар, где все котировается, здесь не стыдятся производить подсчеты на глазах у всех, здесь все человечество сведено к двум типам: обманщик и обманутый».

Повесть «Отец Г'орио», упоминаемая введением, не была включена в собрание сочинений 1834—1835 годов, потому что «Этюды о нравах», в число которых она должна была войти, были запрошены одному издателю, а сама эта повесть — другому. Но ни одна книга Бальзака не примыкала так тесно, как «Г'орио», к идеям этого введения и данной в нем характеристике Парижа. Эта повесть впервые с полной отчетливостью обнаруживает новый принцип творчества Бальзака: писать не самодовлеющие книги, а в каждой из них видеть прежде всего элемент единой системы. Отсюда нарочитая повторяемость персонажей: Растиньяк и Бьяшон уже появлялись в «Шагреневой коже», банкиру Тайферу был посвящен рассказ «Красная гостиница», ростовщику Г'обсеку также уже был посвящен рассказ, госпожа Босван побывала уже героиней «Покинутой женщины» и т. д.

Сама система еще не вполне определилась для Бальзака к 1835 году. Он еще находился под очарованием фантастики и причудливости «1001 ночи». Целиком ли реалистична повесть «Г'орио»? Последовательно ли она построена на основе приведенной выше характеристики Парижа? Совсем недавно обратили внимание еще на один источник, который, вероятно, внушал Бальзаку множественность тем и персонажей даже для произведения, столь схематически

* См. первый том настоящего издания, стр. 53—65.

H 48
04

простого по сюжету, как «Горно». Намек на этот источник сохранился в тексте «Горно» в виде коротенькой английской фразы All is true (см. стр. 6). В первых изданиях «Горно» эта фраза печаталась в качестве эпиграфа ко всей книге, с указанием источника: Шекспир. Фернанд Балдансперже*, выпустивший специальное исследование о том, на какие иностранные литературные произведения ориентировался Бальзак, приходит к выводу, что едва ли хорошо знал Бальзак Шекспира. Вернее всего Бальзак вдохновился статьей друга своих юных лет Филарета Шаль, который рассказывал о шекспировском театре в журнале «Ревю де Пари» за 1831 год такими словами: «Попробуйте втиснуться в эту толпу мужчин и женщины, мещан, дворян, воров, подмастерьев, сгрудившихся вокруг афиши; они дерутся, только бы прочесть ее не спеша. Это гигантских размеров объявление уведомляет о сегодняшнем спектакле и прибито на деревянных столбах, идущих вокруг театра. Вглядитесь в ярко-красные буквы, и вы с удивлением убедитесь, что имя героя драмы Генриха VIII не указано, а написано лишь:

All is true, an historical play.

(Все здесь правда, пьеса историческая.)

Так озаглавливая свое творение, Шекспир полагал, что он заранее завоеует расположение народа и обезоружит критику».

Эта картинка, на которую несомненно намекает коротенькая английская фраза, внедрившаяся в текст «Горно», — очень типична для отношения к Шекспиру французских романтиков, а к их числу и принадлежал Филарет Шаль. Они восхищались не столько реализмом Шекспира, сколько соединением трагического с комическим, высокого и причудливого с повседневным. Таким образом, эта фраза открывает целую цепь романтических ассоциаций в повести «Горно». К романтическому можно отнести идеализацию преступника, бросающего вызов обществу, а также трактовку старика Горно как мономана, поглощенного одной страстью — любовью к дочерям.

Однако отдельные романтические мотивы буквально тонут в реализме «Горно». Слова «все здесь правда» уже имели для Бальзака 1834 года иной смысл, чем для Филарета Шаль 1831 года. Как исторически правдив Бальзак, например, набирал общедоступный пансион местом столкновения трагического с комическим. Для Парижа эпохи Реставрации подобные пансионы — явление очень харак-

* Fernand Baldensperger. Orientations étrangères chez Balzac. Ed. Champion, 1927. См. также его заметку о Горно в журнале «Revue de littérature comparée», 1938, № 1.

терное. Дворяне, разоренные революцией и не сумевшие вновь за-
быться положення, наследники новоиспеченных богачей, которые
столь же быстро и разорились, растерявшиеся в этой быстрой смене
режимов, бывшие офицеры, испущие на половинной пенсии, тор-
говцы, удалившиеся от дол, непризнанные наследники финансовости
нового типа, которых Бальзак именовал «хищниками, рысакми»,
словом, все разношерстные отбросы истории принуждены были
жить в общедоступных пансионах какого-нибудь жалкого квар-
тала Сен-Марсе. Эта доминирующая тема пансиона, мрачно кари-
катическое и по существу историчное, наряду с блестяще выжи-
санной историей Растиньяка, и создала повесть «Г'орио» славу ре-
алистического произведения.

Рукописи Бальзака, которых сохранилось, повидимому, много,
до сих пор почти не привлекли внимания исследователей. «Г'орио»
является редчайшим исключением. Попытка описать рукопись все-
таки была сделана. Выполнена эта попытка далеко не полно. Ее
автор, Марио Рок*, кончал в 1905 году университет и в качестве
дипломной работы взял эту тему. Он простосердечно сознался, что
получил задание сравнить текст первых ста печатных страниц
«Г'орио» с рукописью. И несмотря на эти ограничения, выводы Рока
очень любопытны. Они вполне подтверждают наше предположение,
что именно «Г'орио» представляет собой переломный пункт творчества
Бальзака: от отдельных повестей к единой «Комедии». Рукопис-
ный текст гораздо ближе к замыслу самостоятельной повести. Расти-
ньяк здесь только упоминается, а та роль, которая будет ему дана
в печатном тексте, первоначально выполнялась другим молодым
человеком, по фамилии Марсильяк, лишенным растиньяковского
карьеризма. Из печатного текста, который создавался месяца
через два, этот Марсильяк исчез. Рукописный текст относится к сен-
тябрю — октябрю 1834 года, печатный — к декабрю. Вот дата
этого перелома. Однако слияние Марсильяка и Растиньяка в одно
лицо отразилось и на окончательном варианте: Растиньяк в «Г'орио»
трактруется, так сказать, марсильяковски, гораздо мягче, чем в дру-
гих произведениях Бальзака. Второе наблюдение Рока: время дей-
ствия было по рукописи более поздним, не 1819 год, а 1824-й. Эта
частность не случайна: делая Растиньяка основным персонажем
повести и связывая ее с теми сценами «Шагреновой кожи», в которых
фигурировал Растиньяк, Бальзак предвидел и дальнейшую карьеру

* Mario Roques. Manuscrit et éditions du Père Goriot. В журнале
«Revue Universitaires», 1905, №№ 6—7.

Растишка, для которой требуется большее количество лет. Перемена времени действия привела к двум анахронизмам в печатном тексте, по которому столовники пансиона Воке говорят в 1819 году о диораме, а изобретена она в 1822 году; Бьяншон упоминает в 1819 году о редакторе газеты «Лонман» Тиссо, а Тиссо ее редактировал только с 1824 года. Бальзак пользовался всяким случаем, чтобы актуализировать каждое свое произведение, вводя в него злободневные частности парижского быта, и указанные две частности вполне были бы уместны, если бы история Г'орно происходила в 1824 году. Третье наблюдение Рока относится к области языка. Сам Рок принадлежит к числу тех французских филологов-пуристов, которые полагают, что все образцы языка уже даны классической литературой и что нарушать эти языковые нормы никому не разрешается, поэтому он упрекает Бальзака за некорректные грамматические фразы, за синтаксическую неясность.

Вероятно, пуристы правы, отыскивая ошибки в разговорах аристократов, изображенных Бальзаком, которого гораздо больше интересовал современный «мещанский» язык. И вот рукопись гораздо тщательнее, чем печатный текст, фиксирует фонетические особенности мещанских говоров. Марио Рок полагает, что фонетические записи Бальзака не попали в печатный текст «Г'орно» потому, что типографы признали их за орфографические ошибки автора.

Наконец четвертое наблюдение Рока касается композиционных принципов повести, которые значительно изменились при обработке рукописи. Резюмируя свои наблюдения, М. Рок отмечает, что рукописный текст был более компактным и более конкретным, психологический анализ происходящего и различные размышления нравственного порядка появляются или в виде поаднейших вставок в рукописный текст, или только в печатном тексте. Это отсутствие в рукописи обобщающих сентенций позволяет М. Року прийти к такому выводу относительно процесса работы у Бальзака: «Он не озабочен тем, чтобы еще раз вернуться к произведению, имея целью перелить его в новую форму, достигнуть большего равновесия и совершенства; нет, первоначальный текст у него лишь отправной пункт для новых наблюдений, и в результате появляются добавочные размышления, которые могут показаться ненужными, порою — страшными, нарушающими пропорции и не имеющими тесной связи со всем тем, что находится в тексте около них».

После того как повесть «Г'орно» была напечатана, Бальзак, по своему обыкновению, исправлял ее еще несколько раз. Отметим лишь важнейшие варианты приведенных ваданий. Обед в пансионе Воке стоит по первому варианту 37 франков, по второму — 36, по тре-

тѣму — только 30. Так же снижается в каждом следующем издании плата мадмуазель Мишоно за комнату и пансион: 70—60—45 франков. Эта тенденция характеризовать человека его бюджетом и в каждом издании уточнить цифровую характеристику встречается почти во всех произведениях Бальзака. Здесь она была тем более уместна, что все более разительным становился контраст старика Горно, который тоже спустился до 45 франков в месяц, и его богатых дочерей. Вторая цель исправлений — убрать лишние слова, напрасно осложняющие образ. Так о госпоже Босван, когда она останавливает своего неверного любовника (см. выше стр. 56), говорилось, по изданиям 1835 года: «В этом жесте была такая сила гнева и столько бурной деспотической страсти...» В издании 1839 года слова «такая сила гнева и» вычеркнуты. Примеров подобного упрощения можно было бы привести целый ряд. Третья забота Бальзака и на этот раз — об именах действующих лиц. В «Орио» не было надобности переименовывать их, так как Бальзак уже к моменту опубликования этой повести решил, что она есть не что иное как глава «Комедии». Только фамилию Рошгюд он изменил на Рошфид, исправляя издание 1843 года, да имя Тайфера-сына почему-то не сразу ему удалось. В изданиях 1835 года он зовется Викторьен. Начиная с издания 1839 года у него двойное имя Фредерик-Мишель, причем Бальзак вводит очень сложную и неудобную для читателя подробность: слуга именуется его господни Фредерик, а родные зовут Мишель. О подобной мелочи стоит упомянуть, потому что, если читателю попадет в руки какое-нибудь из ходовых французских изданий, он по этому признаку определит, устаревший текст или окончательный дается этим изданием.

Из более крупных изменений необходимо указать три.

Начиная с издания 1839 года разговор Мишоно с Пуаре о Викторине (см. стр. 135) кончается репликой Пуаре: «Виновна в том, что влюбилась в господина Евгения де-Растиньяка и летит вслепую на огонь, невинная душа!» А в ранних изданиях вслед за тем шла еще фраза, которая иной раз перепечатывается и новейшими изданиями, вопреки воле Бальзака, и ставится ему в упрек даже новейшими бальзаковедом. По всем трем изданиям 1835 года реплика Пуаре заключалась такой сентенцией: «Все блондинки таковы. Им только подмигни, и они тут же следуют мужчине на колени». По поводу этой сентенции Бальзак получил от неизвестной ему почитательницы письмо*, полное возмущения: «Читая эти слова, я была охвачена

* Оно напечатано Марселем Бутрон в третьем выпуске «Cahiers balzaciens», 1928.

негодованием... Русские женщины в большинстве случаев благодетели (к моему протесту присоединяется мой подруга, она русская и благодетельница), но они вовсе не так легкомысленны, как вы полагаете и т. д. Возможно, что это письмо побудило Бальзака вычеркнуть малоудачную сентенцию, какие нередко срывались с его пера в горячке работы, но которые он почти все успел вычеркнуть из последних изданий.

Еще дольше перепечатывалась Бальзаком целая сцена, весьма эффектная, которой он все же решил пожертвовать в издании 1843 года. На последнем балу у Босан (см. стр. 200) Растиньяк, по первым четырем вариантам, встречает убийцу Тайфера-сына — итальянца Франкессини. Встреча эта описывалась так: «Войдя в длинный зал, где происходили танцы, Растиньяк был поражен, встретив пару, от которой нельзя было оторвать глаз: она была воплощением человеческой красоты. Никогда еще не доводилось ему любоваться таким совершенством. Мужчина казался воскресшим Антиноем; манеры его усиливали производимое им чарующее впечатление. Женщина напоминала сказочную фею: она пленяла взгляд, околдовывала душу, волновала людей самых бесчувственных. Костюм у обоих гармонировал с красотой. Все смотрели на них восторженно и завидовали счастью, сквозившему в их глазах и движениях.

— О, боже, кто эта женщина? — спросил Растиньяк.

— Красавица, которой бесспорно принадлежит пальма первенства, — леди Брандон. Она столь же знаменита своим счастьем, как и красотой. Она все принесла в жертву этому молодому человеку, у них, говорят, есть дети. Но беда нависла над ними. Ходит слух, что лорд Брандон поклялся страшно отомстить жене и ее любовнику. Они счастливы, но страх не покидает их.

— А кто он?

— Как! Неужели вы не знаете красавца полковника Франкессини?

— Того, который дрался...

— Да, три дня тому назад. Его вызвал на дуэль сын банкира. Франкессини хотел только ранить его, но, к несчастью, убил.

— О!

— Что с вами? Вы дрожите, — сказала виконтесса.

— Ничего, — ответил Растиньяк, обливаясь холодным потом. Перед ним предстало словно отлитое из бронзы лицо Вотрепа. Герой каторги подавал руку герою бала: общество показало Евгению истинный лик».

«Поэтичность» этой сцены нередко соблазнила издателей «Горно». Но можно думать, именно из-за поэтичности Бальзак счел ее чужеродной существенно прозаической повести.

В тексте первых изданий встречались крайности и обратного порядка, сильнее всего сказавшиеся в последнем разговоре Горно с Растиньяком. В изданиях 1835 года почти каждая фраза умирающего Горно сопровождалась стоном, звук которых Бальзак пытался фиксировать как можно точнее: Heun, heun! Ha! Ha! Ha! Hâan! h! aye! heun! oue! oh! Heuân! ah! В пятидесяти семи местах предсмертная речь Горно прорывалась какой-нибудь из этих звуковых комбинаций. Здесь он сближался с приемами натурализма, которые будут фотографически изображать физиологические явления. От натуралистических соблазнов он отказался в более поздних изданиях так же, как и от поэтических прикрас, которыми в его эпоху не пожертвовал бы романист, рассчитывавший на верный успех.

Упорство, с каким Бальзак отыскивал реалистический путь среди многообразных и в конце концов отвергнутых им веяний, очень значительно, так же как и борьба его за новый язык, который надо было очистить от условной приятности традиционного литературного языка, в то же время не разменивая на натуралистические мелочи. Полностью изобразить путь Бальзака можно будет лишь тогда, когда французские бальзаковеды дадут «окончательный», в подлинном смысле слова, бальзаковский текст, в анализе которого будут учтены также и данные рукописей, черновиков, корректур, прижизненных изданий. Такого текста еще нет. В частности, сличая четыре наиболее авторитетных издания «Горно», одно из которых называется дефинитивным, другое — критическим, два из которых издали в самые последние годы, находишь, что текст по крайней мере в восьми местах не одинаков. Некоторые различия очень существенны, и ни в одном случае не оговорены. Ничего сколько-нибудь похожего на текстологические работы советских литературоведов о Пушкине или Льве Толстом еще не существует в отношении Бальзака.

Б. Грифцов.

~~Ц. 1938 г.
Акт № 258
Видан. л.~~

ЛМ 24683
1950 г.
Р. Акт № 258/3

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Отец Горио	5
Е. Корш. Примечания	222
Б. Грифцов. Литературный комментарий	233